
«Совсем уж странный поступок»: губернатор и местные чиновники в начале XIX в.

Виктория Ефимова

«A very strange act»: A governor and local officials in the early nineteenth century

Victoria Efimova (Petrozavodsk State University, Russia)

Ещё С.М. Середонин, освещая жалобы на злоупотребления губернаторов царствования Александра I, обратил внимание на «совсем уж странный поступок» олонекского гражданского губернатора, отправившего в сумасшедший дом губернского стряпчего А.А. Карабутова¹. Однако ни фамилия губернатора, ни мотивы и последствия его действий при этом не раскрывались. Между тем данный эпизод весьма любопытен для понимания положения губернаторов в первой четверти XIX в., их возможностей и взаимоотношений с местным чиновничеством и вышестоящим начальством².

По ряду объективных и субъективных причин к началу 1820-х гг. Олонецкая губ. была не на лучшем счету у правительства. 15 июля 1820 г. только что назначенный архангельским, вологодским и олонекским генерал-губернатором А.Ф. Клокачёв красочно описал в своём отчёте императору «неустройства», обнаруженные при первом обозрении губернии: «долговременное и неосновательное распоряжение по содержанию дорог и почтовых станций, недостаток в надзоре за течением дел по судебным местам и, можно назвать, слабое попечение вообще по губернскому управлению», недостаток чиновников и канцелярских служителей (особенно «способных») и, наконец, «взаимное и нескрытое несогласие губернатора со всеми почти в губернском городе чиновниками»³. Ответственность за это в известной мере лежала на В.Ф. Мертенсе, занимавшем должность олонекского губернатора с 1804 г. Судя по всему, генерал-губернатор потребовал от него и от губернского правления более активной деятельности, однако начальник губернии предпочёл выйти в отставку, и уже 8 октября 1820 г. Клокачёв ходатайствовал перед министром внутренних дел

© 2015 г. В.В. Ефимова

Работа выполнена при поддержке Минобрнауки России в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности № 33.1162.2014/К.

¹ Середонин С.М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 1. СПб., 1902. С. 457–458. С 1816 г. все заключения Сената о взысканиях с губернаторов было предписано вносить в Комитет министров, мнение которого представлялось на Высочайшее усмотрение. Как отмечалось в 1817 г. в рескрипте Александра I министру юстиции кн. Д.И. Лобанову-Ростовскому, император принял на себя этот «лишний труд» для «поддержания достоинства начальников губернии» и дабы исключить «безвинные иногда... выговоры и взыскания с губернаторов по намерениям и видам канцелярии», но так, чтобы «всякое неправильное действие, всякая медлительность его (губернатора. – В.Е.) известна была мне» (Там же. С. 459–463).

² См. также: Бикташева А.Н. Механизм назначения губернаторов в первой половине XIX в. // Отечественная история. 2006. № 6. С. 31–41.

³ Государственный архив Архангельской области (далее – ГА АО), ф. 1367, оп. 1, д. 36, л. 371–372.

о назначении Мертенсу пенсии за долгую службу и «преклонные года»⁴. В результате 7 августа 1821 г. из Сената последовали указы о назначении тайного советника Мертенса сенатором, а его преемником – А.И. Рыхлевского⁵.

Андрей Иванович Рыхлевский происходил из семьи мелкого чиновника-дворянина, служившего в Сибири. Он начал службу в 1792 г., в 9 лет, поступил в канцелярию совестного суда Колыванской губ., а через 3 года был взят в штат тобольского губернатора. В 1803 г. его перевели в центральный аппарат МВД, а в 1811 г. назначили советником Рязанского губернского правления. В 1816 г. он стал чиновником особых поручений при командире Отдельного Грузинского корпуса генерал-лейтенанте А.П. Ермолове и вскоре возглавил его канцелярию. «Имевши прежде сведения, что в Грузии отправление дел по службе не в надлежащем идёт порядке, – вспоминал Ермолов, – наслышавшись даже о многих злоупотреблениях, посчитал я необходимым иметь с собою нескольких чиновников, известных мне службою и на честность коих и правила мог бы я положиться. По части гражданской был при мне коллежский советник Рыхлевский, чиновник, рекомендованный мне с наилучшей стороны и знающий хорошо порядок дел»⁶. Вероятно, эти качества, а возможно, и рекомендация Ермолова способствовали назначению Рыхлевского в Олонецкую губ., которую следовало, по мнению генерал-губернатора, привести «в тот порядок и устройство, в какой его императорскому величеству угодно»⁷.

В своих «объяснениях» министру внутренних дел летом 1823 г. Рыхлевский писал: «По прибытии моём в конце 1821 г. к настоящей должности, нашёл я дела по Олонецкой губернии не только по уездным присутственным местам (из коих в некоторых указы губернского правления даже после 10 подтвердительных указов не исполнялись), но и в самом даже губернском правлении... в беспорядке. Не говоря уже о том, что многие бумаги оставались незаслушанными по году и более (также как и следствия), горы бумаг утрачены и вовсе не отысканы»⁸. Конечно, оправдываясь, он мог быть заинтересован тогда в некоторой драматизации ситуации, однако точно так же характеризовал положение дел в своих рапортах императору и Сенату и Клокачёв⁹. Вскоре после вступления в должность Рыхлевский получил от него предложение с требованием «печясь» о скорейшем рассмотрении и действительном исполнении дел (и, «в первую очередь, указов Сената») ¹⁰.

Как же новый губернатор мог улучшить «течение дел в присутственных местах» Олонецкой губ.? Судя по его «объяснениям» 1823 г., он не спешил «выносить сор из избы». «Быв совершенно чужд способов выслуживаться перед начальством моим с вредом для других, – заявлял Рыхлевский, – я твёрдо решил не затруднять высшее начальство никакими с моей стороны представлениями на счёт замеченных мною по Олонецкой губернии неисправностей и беспорядков, употреблять все усилия к поспешному доведению всего в надле-

⁴ «Преклонные года» В.Ф. Мертенса были, видимо, лишь поводом. Хотя ему и исполнилось уже 60, сенатором он прослужил ещё 18 лет.

⁵ ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 36, л. 571; д. 84, л. 447–448, 673.

⁶ Записки А.П. Ермолова. М, 1991. С. 271.

⁷ ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 36, л. 308.

⁸ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. 1, оп. 37, д. 19/2, л. 1375–1376.

⁹ Подробнее см.: *Ефимова В.В.* Олонецкая губерния под управлением генерал-губернатора А.Ф. Клокачёва // *Российская история.* 2009. № 3. С. 143–156.

¹⁰ ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 84, л. 874–892.

жащее положение». За неисполнение распоряжений начальства канцеляристам грозило наложение пеней, перемещение по службе, удаление от должности, увольнение (с преданием суду или без такового) и даже отдавание в солдаты¹¹. Журналы исходящих бумаг архангельских генерал-губернаторов зафиксировали резкое увеличение числа представлений Олонецкого губернского правления о наложении штрафов и пеней на служащих подведомственных ему учреждений. Так, при Мертенсе за 17 месяцев их было всего 2, а при Рыхлевском за 41 месяц – 52 (в 1821 г. – 2, 1822 – 30, 1823 – 8, 1824 – 12 представлений). Однако уже 6 июня 1822 г., получив сразу 4 мемории об оштрафовании членов лодейнопольского земского суда, Клокачёв предложил наложить только одну пеню. «Но когда и после не исправятся, – полагал он, – то следует принять и другие законные меры. Беспреостанное же наложение пени, лишая членов и того небольшого жалованья, какое они получают, не принесёт ожидаемой пользы для службы, а ещё вяще поставит их отступать от своей обязанности»¹². В 1823–1824 гг. количество подобных представлений резко сократилось, хотя новый генерал-губернатор С.И. Миницкий почти всегда соглашался с ними.

Неизбежным следствием жёстких действий нового губернатора стало ухудшение его отношений со многими местными чиновниками. Видимо, именно это побудило Рыхлевского уже в декабре 1822 г. подать генерал-губернатору прошение о переводе его по состоянию здоровья в другую губернию¹³. Впрочем, была и другая причина. По свидетельству Н.Ф. Бутенёва, между Рыхлевским и Клокачёвым назревал конфликт. Губернатор, будучи холостяком, «жил... на походную ногу, даже мог и роскошничать, потому что редкая честность и бескорыстие его не допускали и мысли о какой-либо незаконной поживе». Вспоминая же Клокачёва, Бутенёв отмечал: «Сам он был человек не худой, но имел правителя канцелярии, некоего Шамарина, который, говорят, жестоко побирался, и если кто ему не платил, как следует, то чернил его перед генерал-губернатором, заводил переписку и делал всякие придирки. Рыхлевский не брал ни с кого, а потому не мог и делиться, и этого довольно, чтобы вовлечь его в неприятную переписку с Клокачёвым, которая дошла даже до личной вражды. Как ни был прав и чист в своих действиях Рыхлевский, но, вероятно, Клокачёв или Шамарин стёрли бы его, потому что Клокачёв пользовался особенною милостию государя и вдовствующей императрицы Марии». И всё же «Шамарину не удалось уничтожить Рыхлевского»: 2 января 1823 г. Клокачёв, будучи в Вологде, внезапно скончался от апоплексического удара. Сменивший его С.И. Миницкий был «человек добрый, но тоже в руках Шамарина, и неприятная переписка продолжалась»¹⁴. К сожалению, официальное делопроизводство не позволяет подтвердить эти утверждения мемуариста: лишь в некоторых предложениях генерал-губернатора, последовавших в 1824 г., чувствуется явное недовольство губернатором. Но так или иначе, Шамарин действительно

¹¹ Так, например, 14 июня 1822 г. Клокачёв согласился с представлением губернского правления отправить копииста Новака «за пьянство и развратное поведение для принятия в военную службу». Генерал-губернатор предлагал, чтобы «он и подобные ему люди были отсылаемы в рекрутское присутствие», и, «если бы оказались годными», то пусть петрозаводский военный батальонный командир направляет их, «куда будет по расписанию, но в городе (Петрозаводске. – В.Е.) не оставлять» (ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 133, л. 908; НА РК, ф. 2, оп. 68, д. 301, л. 78).

¹² ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 191, л. 896–897.

¹³ Там же, д. 133, л. 4.

¹⁴ Бутенёв Н.Ф. Записки горного офицера / Публ. А.М. Пашкова // Север. 2003. № 5–6. С. 77–78.

вымогал и брал взятки, за что в 1831 г. его сослали на каторгу, лишив дворянства, чинов и орденов¹⁵.

В самом Олонецком губернском правлении действия Рыхлевского отнюдь не способствовали наведению порядка. В «объяснениях» 1823 г. он с горечью констатировал, что его многократные замечания и строгие внушения членам правления, столоначальникам и секретарю не достигли желаемого. «Напротив, – сообщал губернатор, – советники правления: коллежский советник Соколов и коллежский ассессор Козлов, первый – с 1 февраля (1823 г. – В.Е.), а второй – с 17 февраля под видом нездоровья совсем оставили бывать в губернском присутствии и, наконец, подали просьбы об увольнении их за болезнью от должности – Соколов (26 февраля), Козлов – 29 марта, что и было представлено министру внутренних дел, но доселе на них нет представления, а между тем советник Соколов, не ходя в губернское правление, везде бывает в компаниях, а Козлов отбыл в Санкт-Петербург на 29 дней (в начале марта) и до сих пор не возвратился (1.5 месяца уже не в отпуске), отчего производство дел в правлении идёт медленно, т[ак] к[ак] членов всего только 2, а секретаря и вовсе нет, да и выбрать не из кого, т[ак] к[ак] письмоводители или нетрезвого поведения и распутной жизни, или молодые и совершенно неопытные. Из членов же правления советник Бенедиктов – весьма преклонных лет – не совсем успевает обрабатывать дела и по своей экспедиции, а ассессор Баранкеев занимается всеми прочими делами по правлению и не может всё успеть при всей его старательности»¹⁶. Главным виновником «непорядков» в губернском правлении и лидером сложившейся оппозиции А.И. Рыхлевский считал В.С. Соколова, который, как сообщал губернатор министру внутренних дел ещё в начале февраля 1823 г., служа в правлении 12 лет, с помощью денежных оборотов и женитьбы «сделал многие связи и нашёл способ не только чиновников, но и купцов и мещан содержать в роде некоего подобострастия так, что все из них готовы исполнять волю его, тем самым прочих чиновников поставил вне всякого уважения». Рыхлевский тогда же просил «избавить Олонецкую губернию» от Соколова, утверждая, что иначе ни ему, ни его преемнику невозможно будет навести в ней порядок¹⁷.

В этой обстановке Рыхлевский и совершил свой «совсем уж странный поступок». 27 февраля жена губернского по казённым делам стряпчего Карабутова подала министру юстиции прошение, жалуюсь «на причинение её мужу тяжкой обиды» во время исправления им должности губернского прокурора. К жалобе был приложен рапорт самого А.А. Карабутова, составленный им в больнице. По его словам, заменив 17 февраля заболевшего губернского прокурора Казина, он дал 21 и 22 февраля Олонецкому губернскому правлению два предложения, которые были тем проигнорированы. Губернатор же, «имея к нему неудовольствие за разные его поступки», призвал его к себе и на повышенных тонах спрашивал, «как он смел отправлять без его согласия должность прокурора», назвал его сумасшедшим и «приказывал его даже держать». Затем по приказу губернатора к нему в камеру явился петрозаводский городничий с жандармом и объявил, что ему велено доставить его в больницу «для освидетельствования на месте его рассудка». Несмотря на попытки Карабутова доказать, что он находится «в полном здравом уме», его под конвоем препроводили в больницу.

¹⁵ ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 331, л. 196–201.

¹⁶ НА РК, ф. 1, оп. 37, д. 19/2, л. 1275–1286; РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 222а, л. 62–63.

¹⁷ НА РК, ф. 1, оп. 37, д. 19/2, л. 290–291; ф. 2, оп. 68, д. 321а, л. 118 об.–128.

Врач, не найдя никаких причин удерживать стряпчего, в тот же день отпустил его домой, но стоило ему на следующий день явиться на службу, как он вновь был отправлен по приказу губернатора в больницу «с воспрещением никого к нему не пускать»¹⁸.

В тот же день, 27 февраля, направил министру юстиции свой рапорт о случившемся и Рыхлевский. Карабутов характеризовался в нём как «человек строптивый и готовый при всяком случае вмешаться в дела, совсем до него не относящиеся». Обосновывая такой отзыв, губернатор подробно описал семь подобных случаев. Между тем 21 февраля губернский прокурор Казин через секретаря просил губернское правление не присылать к нему на квартиру до выздоровления свои журналы и назначить исправлять его должность кого-либо другого. И в тот же день от Карабутова была получена бумага о том, что Казин 17 февраля поручил ему исполнять свои обязанности. Правление, сравнив заявление секретаря и бумагу Карабутова, предоставило исправлять должность Казина губернскому стряпчему уголовных дел Филимонову, а о самовольных действиях Карабутова сообщить министру юстиции. На следующий день Филимонов, явившись в правление, объявил, что Карабутов все журналы присутственных мест забрал к себе и ему не отдаёт, ссылаясь на прежнее указание Казина. Узнав об этом, губернатор вызвал к себе Карабутова и спрашивал, «почему он исправляет должность прокурора самовольно?» «На что Карабутов, – говорилось в рапорте, – в исступлении, похожем на человека, лишённого рассудка, ударил в грудь обеими руками, кричал с азартностью и буйством, что над ним начальник есть только один – министр юстиции, и потом с видом отчаяния или зверства вышел вон из правления. А как поступок Карабутова совершенно показывает в нём лишение здравого рассудка, что и прежде с ним случалось, как известно некоторым членам правления, то губернское правление в предупреждении, дабы Карабутов не мог сделать какого-либо ещё более вредного поступка, в необходимость нашлось предписать петрозаводскому городничему, дабы он в то же время г[осподина] Карабутова отправил в здешнюю градскую больницу, а врачебной управе велено учинить его свидетельство и представить в правление, а между тем оказать должное больному пособие». Предписание было исполнено, но в тот же вечер стряпчий вернулся домой. На следующий день, 23 февраля, Карабутов пришёл в камеру губернского прокурора одетый в мундир и со шпагою, и тогда, «чтоб Карабутов не мог при оружии что-то ещё совершить, правление вторично предписало городничему доставить его в больницу, что и сделано». 26 февраля заведующий больницей уездный врач Марчинский донёс губернатору, что хотя у Карабутова и «было сначала замечено сильное волнение и расстройство духа, но во время нахождения в больнице он несколько успокоился и дальнейшего от болезни его вреда в жизни ожидать нельзя». Учитывая просьбу врача и жены Карабутова, губернатор разрешил отпустить его «на лечение домой». Карабутов, отмечал в конце своего рапорта Рыхлевский, «при крайнем беспокойном характере имеет ещё несчастье бывать нередко в нетрезвом состоянии, отчего замечается помешательство в рассудке, и надо было бы давно представить Вашему высокопревосходительству об этом и просить об удалении его от должности, но принимая во внимание несчастье жены его и 5 малолетних их детей, которые с прекращением жалованья отца их лишатся последней надежды к пропитанию, я только ограничивался одними выговорами и подтверждениями, и теперь прошу снисхождения к семейству

¹⁸ РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 222а, л. 4–6.

его и сделать выговор от Вас. Со своей стороны, когда Карабутов в хорошем настроении, то он человек неглупый и может быть использован по службе»¹⁹.

Кн. Д.И. Лобанов-Ростовский, судя по отношению, отправленному им 13 марта министру внутренних дел, получив это донесение губернатора, решил, что оно «достаточно обличает его в насильственном поступке и противузаконном самовластии». В строптивости стряпчего в Петербурге явно сомневались, считая, что «примеры сии крайне маловажны и притом требуют проверки по делам». «Если бы Карабутов был точно таким, как описывает его губернатор, – полагал министр юстиции, – то он не мог быть долгое время терпим на службе прежним начальником и покойным генерал-губернатором, ибо он был в Олонецкой уголовной палате 9 лет секретарём и в настоящем звании стряпчего находится 10 лет». Кроме того, князь обращал внимание на то, что Карабутов аттестовался в формулярном списке «способным и достойным» и был «употребляем к разным надобностям, кои исполнял с успехом»²⁰. Губернатор же «присвоил себе излишнюю власть, ибо назвал вступление в должность губернского прокурора Карабутова самовластным и вопреки порядку назначил младшего стряпчего». Действия Карабутова в правлении 22 февраля были вызваны, по мнению министра, «не признаками буйства, а изъявлением сильного огорчения, к коему гражданский губернатор сам дал повод своим поступком». Сумасшествия Карабутова он «не увидел» ни из губернаторского рапорта, ни из сделанных им губернскому правлению предложений, ни из заключений врача Марчинского. «Впрочем, – указывал князь, – если бы Карабутов и подлинно имел расстройство в рассудке, то губернатору следовало бы принять совсем другие меры для охранения его от вредных последствий и не разлучать несчастного с семьёй, когда он не был в бешенстве». Таким образом, в Министерстве юстиции признали, что действия Рыхлевского «есть следствие личного его к Карабутову неудовольствия», поскольку тот «из усердия к службе делал генерал-губернатору разные донесения». Соответственно предлагалось произвести «по необычному происшествию» строжайшее следствие, «дабы пресечь самовластие».

Министр внутренних дел согласился с этим выводом, передав дело на рассмотрение Комитета министров, решившего 10 апреля 1823 г. назначить особую следственную комиссию. 12 июля Комитету было объявлено об одобрении данного предположения императором, и уже 30 июля следователи – находившийся для особых поручений при министре внутренних дел действительный статский советник Гольинский и статский советник Щербинин, представлявший Министерство юстиции, – прибыли в Петрозаводск²¹. На следующий же день они стали расспрашивать губернатора, почему Карабутов не был допущен к отправлению должности, называл ли его начальник губернии в губернском правлении сумасшедшим, по какой причине петрозаводский городничий получил предписание отправить Карабутова в больницу как сумасшедшего. Их также интересовало, какие признаки сумасшествия усматривались в действиях стряпчего, и «чинено ли ему было освидетельствование, как положено по указу от 8 июня 1815 г.», доводилось ли Карабутову прежде лишаться здравого ума, и что заставило вторично отправить его в больницу²².

¹⁹ Там же, л. 12–20; НА РК, ф. 1, оп. 37, д. 19/2, л. 230, 247–262.

²⁰ Действительно, в черновом варианте формулярного списка А.А. Карабутова, составленном в 1823 г. были подробно прописаны все его «заслуги». Возможно, описывались они им самим (НА РК, ф. 1, оп. 36, д. 22/18, л. 23–28).

²¹ РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 222а, л. 1–3, 22–42.

²² Там же, л. 45.

3 августа губернатор представил свои ответы, практически ни в чём не отступив от написанного 27 февраля и добавив только, что освидетельствование не проводилось, поскольку в указе 1815 г. говорилось о малоумных с рождения дворянах²³, к каковым Карабутов не относился, а о буйных поступках, которые Карабутов делал, «будучи пьян», говорили члены губернского правления Соколов, Бенедиктов, Баранкеев, губернский прокурор Казин и губернский стряпчий Филимонов. Вывод о буйстве стряпчего делался и «из сказанных будто бы председателю уголовной палаты Речицкому женой Карабутова слов»: прося об освобождении мужа, она обмолвилась, что «не постигает, от чего бы сие с ним случилось, прежде, конечно, бывало, когда он долго пьёт»²⁴.

Но, видимо, чувствуя шаткость своего положения, Рыхлевский на следующий день заявил следователям, будто Карабутов «не от помешательства в рассудке сделал в губернском правлении бесчинства и оскорбление мне и прочим членам правления... а единственно по подлости и коварству, свойственному его характеру, за то, что должность губернского прокурора была поручена не ему, а другому стряпчему». «Сделано это было не от минутного его побуждения, – утверждал теперь губернатор, – а по плану им обще с другими недовольными чиновниками, и, может быть, даже с некоторыми членами правления, давно приготовленному, чтобы посредством какой-либо личной мне дерзости и оскорбления, выведя меня из терпения, заставить сделать какой-либо неприличный званию моему поступок и тем воспользоваться к обнесению пред высочайшим начальством чести и характера». Пытаясь обосновать эту «догадку», он описывал состояние дел в губернии, начиная с 1821 г., и отчасти признавал свою вину, поскольку «не мог в то же самое время, как сделан был г. Карабутовым в присутствии губернского правления дерзкий поступок, усмотреть, что произошло это не от болезни и поврежденья в рассудке, а от мщения и по давно обдуманному плану». Рыхлевский рассчитывал «такую его неосмотрительность повергнуть справедливому рассмотрению Комитета министров и его императорского величества»²⁵. Сообщая 7 августа министру внутренних дел об отъезде следователей, он также просил его о поддержке перед Комитетом министров, надеясь снять со своей репутации «поношение». В приложенных к этому донесению «объяснениях» губернатор трактовал уже действия Карабутова как неповиновение начальству, за что, согласно указу 21 января 1724 г., стряпчий подлежал «аресту и поступлению по законам»²⁶. 13 августа Рыхлевский обратился за помощью и к генерал-губернатору, уверяя, что «если и есть какие в его деятельности недостатки, то не от самовластия, а от недостатка сил»²⁷.

16 августа следователи доложили своим министрам о результатах поездки. При этом они отмечали, что не рассматривали ни раздоров Карабутова с женой, ни случаев его пьянства, о котором начальству никто не доносил, ни примеров его строптивости, в силу их маловажности, но опирались на ответы губернатора и расспросы восьми свидетелей, указанных им и Карабутовым. О том,

²³ В 1815 г. Государственный совет разъяснил, что указы Петра I об освидетельствовании дураков в Сенате «относятся к лицам, не имеющим здравого рассудка с самого их рождения» (ПСЗ-I. Т. 33. № 25876).

²⁴ РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 222а, л. 46; НА РК, ф. 1, оп. 37, д. 19/2, л. 1267 об.–1268.

²⁵ РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 222а, л. 49–50.

²⁶ Впрочем, едва ли данный указ мог быть применён в данной ситуации, поскольку Карабутов всё же не «бранился» в губернском правлении (ПСЗ-I. Т. 7. № 4431).

²⁷ НА РК, ф. 1, оп. 37, д. 19/2, л. 1300–1311; 1355 об.–1356.

что Карабутов 22 февраля производил впечатление умалишённого, говорили только городничий Григорьев, советник Олонецкого губернского правления Бенедиктов и ассессор Баранкеев. Все остальные сумасшествие отрицали. Так, например, губернский прокурор Казин заявил, что и ранее поручал Карабутову исполнять его должность, поскольку он «имеет в законном обряде совершенное познание», а в помешательстве ума никогда его не замечал. То же самое заявил и лекарь Марчинский. На основании их показаний следователи сделали вывод, что Карабутов не был сумасшедшим, и если и терял рассудок, то не от сумасшествия, а от пьянства. Те же, кто утверждал обратное, являются соучастниками действий губернатора. Показания жены Карабутова, по закону, и во все не могли быть приняты во внимание. Поводом к «посажению Карабутова в больницу», заключали следователи, послужило «не что иное, как одно противу него предубеждение и вспыльчивость губернатора»²⁸.

26 сентября 1823 г. министр внутренних дел, представляя своё заключение в Комитет министров, признал жалобу Карабутова справедливой, однако заметил, что губернатор «был вовлечён в этот поступок весьма непристойными поступками Карабутова и его странное поведение могло дать повод к сделанному губернским правлением заключению о расстройстве Карабутова». Вместе с тем министр характеризовал Рыхлевского как «ревностного исполнителя возложенных на него обязанностей», предлагая «сделать ему выговор и поставить на вид, что впредь за подобные поступки будет он отвечать по законам»²⁹. Тем не менее 20 октября 1823 г. члены Комитета министров решили, что губернатор не имел права удалять Карабутова от исправления должности губернского прокурора, и должен был при несогласии с этим донести его начальству, а не самовластвовать. «Из этого видно, – полагали они, – что губернатор не знает ни порядка, ни законов и не способен ни к какому управлению. И хотя следовало бы его предать суду, но всё же достаточно будет отрешить его от должности и впредь никуда не определять»³⁰.

16 декабря Рыхлевский подал «всепопданнейшее прошение», в котором вновь доказывал свою правоту, добавляя, что у него «нет средств к пропитанию, кроме жалованья»³¹. Александр I повелел Комитету министров рассмотреть это прошение, несмотря на принятое ранее решение. 12 января 1824 г. члены Комитета по-прежнему осудили «весьма неосмотрительный и самовластный» поступок губернатора, но, «приняв в уважение» доводы управляющего МВД, нашли возможным сделать Рыхлевскому лишь «строжайший выговор с подтверждением, что впредь за такие поступки будет подвергнут суду». С этим не согласился только председатель Департамента экономии Государственного совета кн. А.Б. Куракин. По словам князя, он «от прежнего своего мнения отступить не может, потому что основал оное на предосудительных поступках губернатора, который приказал полицмейстеру с двумя жандармами взять губернского стряпчего из присутственной камеры в мундир одетого и отвезть его в дом сумасшедших и повторил ещё оное, когда по освобождению его из больницы доктором, не признавшим его повреждённым в уме, следовательно,

²⁸ РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 222а, л. 46–57.

²⁹ Там же, л. 123–127.

³⁰ Там же.

³¹ С 11 декабря 1823 г. губернатор уехал в отпуск в Петербург, где оставался «по болезни» до середины февраля 1824 г. Несомненно, это время он употребил на «хождение» в Сенате по своему делу (НА РК, ф. 1, оп. 37, д. 19/2, л. 1915, 1925–1926; ГА АО, ф. 1367, оп. 1, д. 191, л. 120).

губернатор поступил против всех законов, против всякого порядка, против должного уважения к званию чиновника и противу самой благопристойности с нарушением совершенно права дворянства». Поэтому, заключал Куракин, он «и не почитает его заслуживающим никакого от правительства доверия». Однако Александр I утвердил мнение большинства, о чём Комитету министров и было объявлено 19 апреля. Губернатору сообщили об этом 29 мая 1824 г.³²

Казалось, инцидент был исчерпан и Рыхлевский мог продолжить свою службу в губернии, тем более что к середине 1824 г. ему удалось обновить состав Олонецкого губернского правления. Но его отношения с местным чиновничеством едва ли улучшились, особенно после того, как в начале 1824 г. неожиданно скончался Карабутов. Очень скоро у губернатора возник новый конфликт, на этот раз – с олонекким вице-губернатором А.И. Нейдгардтом, который 26 августа подал министру юстиции рапорт, содержащий «новое доказательство неукротимого самовластия здешнего гражданского губернатора». Теперь Рыхлевский обвинялся в том, что, отбыв для обозрения губернии, назначил исправлять должность губернатора председателя Олонецкой уголовной палаты Башинского, чем «решил унизить пред всеми звание вице-губернатора». Нейдгардт утверждал, что таким образом Рыхлевский решил «вредить» ему за якобы оказываемое им покровительство вдове Карабутова, которая не в состоянии прокормить своих малолетних детей. 2 сентября 1824 г. Нейдгардт направил министру ещё один рапорт, опровергая оправдания губернатора, писавшего, что распорядился так «по недоразумению»³³. 7 октября Сенат переслал эти рапорты управляющему МВД, который, в свою очередь, обратился за разъяснениями к Миницкому. 11 октября генерал-губернатор вновь свидетельствовал: «Губернатор Рыхлевский с честью занимает своё место и руководствуется в оном усердием и принуждаем иногда прибегать к строгим взысканиям, чрез что и имеет многих неприятелей, почему и заслуживает Вашей защиты». Как полагал Миницкий, Рыхлевский не желал нанести оскорбление Нейдгардту, жалоба которого вызвана недовольством, возникшим из-за того, что губернатор при обозрении губернии надзирал за питейными домами. Но делал он это «по обязанности службы, и в таком случае личная неприязнь должна быть устранена»³⁴.

В начале ноября 1824 г. дело дошло до Государственного совета, где Миницкого поддержал адмирал Н.С. Мордвинов³⁵. В результате было принято «соломоново» решение – перевести Рыхлевского в другую губернию. 13 ноября А.А. Аракчеев запросил Миницкого, можно ли переместить его в Вятку. 27 ноября генерал-губернатор ответил, что Андрей Иванович вполне этого достоин, поскольку «бескорыстен, усерден и весьма деятелен и заслуживает доверия». 8 декабря 1825 г. последовал указ о назначении статского советника Рыхлевского вятским гражданским губернатором³⁶.

³² РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 222а, л. 128–136; ф. 1409, оп. 1, д. 4255, л. 1.

³³ НА РК, ф. 2, оп. 62, д. 1/6, л. 1–4, 15–18.

³⁴ НА РК, ф. 1, оп. 37, д. 19/2, л. 21–30; ГА АО. ф. 1367, оп. 1, д. 263, л. 205.

³⁵ Архив графов Мордвиновых. Т. 5. СПб., 1902. С. 695–696.

³⁶ НА РК, ф. 2, оп. 68, д. 321а, л. 33.